

Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

Дубасова Анжелика Витальевна

РЕКОНСТРУКЦИЯ БАЛТИЙСКОГО КОНСОНАНТИЗМА

Специальность 10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Автореферат
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург — 2008

Работа выполнена на кафедре общего языкознания Факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор
Леонард Георгиевич Герценберг

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Юрий Владимирович Откупщиков

кандидат филологических наук
Андрей Владимирович Шацков

Ведущая организация: Музей этнографии и антропологии
имени Петра Великого «Кунсткамера»
РАН

Защита состоится «__» _____ 2008 г. в ____ часов на заседании совета Д 212.232.23 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу
Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11, ауд. 215.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9).

Автореферат разослан «__» _____ 200__ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 212.232.23
доктор филологических наук,
профессор

К. А. Филиппов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Объект диссертационного исследования. Реферируемая диссертация посвящена реконструкции системы согласных в прабалтийском языке, а также реконструкции фонетических процессов, обусловивших становление и развитие прабалтийского консонантизма.

Актуальность темы. Реконструкция прабалтийского языка в целом представляет собой проблему для исторического языкознания по ряду объективных причин: о большей части балтийских языков можно судить лишь по гидронимическим и топонимическим свидетельствам, а два¹ единственных живых балтийских языка относятся к одной, восточной, ветви, что, позволяя более точно реконструировать правосточную ветвь, затрудняет всесторонний анализ и реконструкцию собственно прабалтийского идиома. О его западной ветви имеется крайне мало сведений, поскольку материал древнепрусского языка, во-первых, ограничен, а во-вторых, требует особой методики реконструкции из-за большой вариативности написания. В связи с этим различные уровни прабалтийского языка реконструированы недостаточно системно, кроме того, до сих пор нет единства относительно протекания тех или иных процессов.

Цель работы состоит в реконструкции прабалтийского консонантизма как системы, претерпевавшей в ходе своего становления и развития определённые изменения, при этом прабалтийская эпоха рассматривается не сама по себе, но в связи с праиндоевропейским и праславянским языками, с одной стороны, и с последующими системами балтийских языков, с другой.

¹ О статусе латгальского идиома (третий балтийский язык или верхнелатышский диалект) среди лингвистов нет единого мнения.

Достижение заявленной цели работы предполагает решение следующих **задач**:

1. определение места прабалтийского языка в системе индоевропейских языков и установление его связей с праславянским языком;

2. выбор методики реконструкции, наиболее пригодной для восстановления системы согласных фонем и фонетических процессов, в которых данные фонемы участвовали, с учётом ограниченности доступного материала;

3. оценка качества имеющегося материала, в частности, качества древнепрусских памятников, крайне непоследовательная орфография которых вызывала у исследователей сомнения относительно возможности использования их при реконструкции;

4. собственно реконструкция системы прабалтийского консонантизма в статике и динамике и в сопоставлении с данными праславянского языка.

Основным **материалом исследования** являются этимологические словари балтийских языков, а также описания диалектов литовского и латышского языка.

Научная новизна. Данная работа является первой попыткой детально реконструировать определённый уровень прабалтийского языка не только в статике, но и в динамике, а также с учётом сведений о праславянском языке.

Теоретическая значимость. Реконструкция прабалтийского консонантизма может послужить исходным пунктом при написании работ по реконструкции фонологического уровня прабалтийского языка в целом. Динамическая реконструкция, представленная в работе, может быть использована при решении различных проблем сравнительно-исторического языкознания в области балтистики и славистики, в частности, являясь доказательством в пользу независимого возникновения праславянского и прабалтийского языков. В работе сделан ряд наблюдений

относительно протекания различных фонетических процессов и их влияния на становление прабалтийского консонантизма.

Практическая ценность. Настоящая работа может быть использована при чтении курсов по истории балтийских языков, при чтении соответствующих разделов курсов по истории славянских языков, курсов по введению в балтийскую и славянскую филологии.

Методы исследования представляют собой единый механизм реконструкции, учитывающий одновременно данные сохранившихся текстов, диалектологического материала и типологии (особенно данных праславянского как наиболее близкого прабалтийскому и относительно надёжно восстановленного).

Апробация работы. Отдельные аспекты и основные положения исследования были представлены в докладах на секции балтистики XXXIII и XXXIV международной филологической конференции преподавателей и аспирантов в Санкт-Петербургском государственном университете (Санкт Петербург, 5–6 марта 2004 г., 5 марта 2005 г.), на международной конференции «Проблемы фонетики и акцентологии балтийских и других языков» в Вильнюсском педагогическом университете (Вильнюс, 20–12 мая 2004 г.), на международной конференции «История языка и диалектология» в Институте литовского языка (Вильнюс, 20–22 сентября 2004 г.), на международной конференции «Предыстория и развитие балтийских и славянских диалектов в этнокультурном аспекте» в Институте литовского языка (Вильнюс, 19–21 сентября 2005 г.), на международной конференции «Исторический путь литовской письменности» в Доме Балтрушайтиса (Москва, 4–6 ноября 2004 г.), на международной конференции «Актуальные проблемы истории и диалектологии балтийских языков» в Латвийском университете (Рига, 25–27 ноября 2004 г.), на секции общего языкознания (подсекция индоевропеистики) XXXVI и XXXVII международной филологической конференции преподавателей и аспирантов в Санкт-Петербургском государственном университете (Санкт Петербург, 13 марта 2007 г.,

14 марта 2008 г.), на Круглом столе «Балтийская филология»: 10 лет спустя» (Санкт-Петербург, 19–21 июня 2008 г.), на чтениях, посвящённых памяти И. М. Тронского «Индоевропейское языкознание и классическая филология – XII» в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, 23–25 июня 2008 г.), а также на аспирантском семинаре кафедры общего языкознания (2005 г.). Некоторые теоретические аспекты излагались в спецкурсе по введению в балто-славянское сравнительно-историческое языкознание (2006–2008 гг.). По теме диссертации опубликовано 9 работ (стр. 26–27).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, сокращений и списка использованной литературы. Структура работы определена поставленными задачами.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Введение. Во введении обосновывается актуальность темы, формулируются цели и задачи работы, определяются методы и материал исследования.

Глава 1. Древние балты и прабалтийский язык: определение и подходы к изучению. В главе приведены наиболее важные гипотезы о прародине и миграциях древних балтов, об их племенах, об отношениях с другими индоевропейскими племенами. Отдельно рассматривается проблема балто-славянских отношений, неоднократно затрагиваемая в последующем изложении. Наконец, прабалтийский язык определяется с лингвистической точки зрения.

Прабалтийский язык, по данным археологии, этнографии и языкознания, существовал приблизительно в первой половине III тыс. до н. э. Данные гидронимии свидетельствуют о том, что в древности прабалтийский язык был распространён на значительной территории: от бассейна Эльбы на западе до бассейна Оки и Камы на востоке, от Припяти

на юге до бассейна Немана и устья Даугавы на севере. Соседями древних балтов были финно-угры, иранцы, германцы и славяне².

Достаточно рано балты разделились на западную (морскую, периферийную) и восточную (континентальную, центральную) группы³. В ходе истории вся западная группа (и частично восточная) балтийских языков вымерла, оставив о себе крайне мало свидетельств. В настоящее время выделяется два балтийских языка: литовский и латышский (частью лингвистов выделяется также третий – латгальский язык). Современные балтийские языки возникли в результате интеграции племенных языков (жемайтов, аукштайтов, ятвягов, селов, куршей, земгалов, латгалов). Предполагается, что распад прабалтийского языка на множество племенных языков окончательно произошёл во II тыс. до н. э.

Первые тексты на балтийских языках появились лишь в XV в. Поскольку от эпохи прабалтийского языка до начала письменности прошло более трёх тысяч лет, первые тексты на балтийских языках не имеют такого значения, какое обычно имеют первые тексты для реконструкции праязыка.

Особый (в сравнении с другими индоевропейскими языками) характер имеет общность балтийских и славянских языков. Вопрос о характере и истоках этой общности имеет важное значение при реконструкции любой системы: фонологической, морфологической, лексической или синтаксической. Важнейшие гипотезы об отношениях балтов и славян можно разделить на следующие группы.

1) Гипотеза об образовании праславянского языка из периферийных диалектов прабалтийского. Гипотеза опирается на изоглоссы балтийских и славянских языков, свидетельствующие о длительных и тесных контактах между этими языками, и поддерживается С. Каралюнасом, В. Мажюлисом, В. В. Мартыновым, Г. А. Хабургаевым, В. Н. Топоровым, Вяч. Вс. Ивановым, В. Пизани и другими. С критикой

² H. Moora. Pirmatnēja kopienas iekārta un agrā feodālā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā. Rīgā, 1952. A. Breidaks. Darbu izlase. 1. daļa, Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 2006. M. Slava. Latviešu tautas tēpi // Arheoloģija un etnogrāfija. VIII. Rīgā, 1966.

³ M. Gimbutas. The Balts. London: Thames and Hudson, 1963. 286 p.

произведения славянской модели из балтийской выступал, в частности, Т. Лер-Сплавинский, обращая внимание на неравномерность темпов балтийского и славянского языкового развития⁴.

2) Гипотеза об общем балто-славянском праязыке. Гипотеза опирается на несомненную близость балтийских и славянских языков. Последователями данной гипотезы являлись А. Вайян, М. Лойманн, Е. Курилович, К. Бругманн, А. Шахматов, В. Поржезинский, В. Георгиев, Ф. Славский, О. Семереньи, Ф. Кортландт, Я. Отрембский и др. Данную гипотезу подвергает сомнению, в частности, О. Н. Трубачёв, считая любые балто-славянские отношения одним из мифов сравнительного языкознания⁵.

3) Гипотеза о параллельном и независимом развитии балтийских и славянских языков и вторичном их сближении, предложенная А. Мейе в противовес гипотезе об общем языке балтов и славян. К этой точке зрения присоединились К. Буга, И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. Салис, А. Зенн, А. Климас, Э. Френкель, И. М. Коржинек, Хр. С. Станг, Ф. П. Филин. Данное направление объясняет значительность балто-славянских сходств долгим соседством этих языков, сохранением архаизмов в условиях индоевропейской периферии в стороне от основных центров культурной жизни древнего мира, принадлежностью к одному языковому союзу. Идея о языковом союзе балтов и славян получила развитие в работах Хр. С. Станга и С. Б. Бернштейна.

Представляется, что для постулирования общего балто-славянского языка не хватает археологических и этнографических подтверждений: общий язык предполагает наличие общей культуры, а поскольку надёжных данных, подтверждающих её наличие, нет⁶, с уверенностью говорить о балто-славянской общности, более тесной, чем контакты, характерные для языкового союза, не представляется возможным.

⁴ Т. Лер-Сплавинский. Балто-славянская языковая общность и проблема этногенеза славян // Славянское языкознание. Вып. 3. М., 1963. С. 5–14.

⁵ О. Н. Трубачёв. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистическое исследование. – Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 2002. С. 5.

⁶ J. Kostrzewski. Stosunki między kulturą łużycką i bałtycką // Slavia Antiqua, t. 5. 1956. S. 5–73.

Глава 2. Достижения в реконструкции прабалтийского языка. Методология исследования. В главе представлен перечень работ, касающихся реконструкции прабалтийского языка, дана общая характеристика прабалтийского состояния. Анализируется методология В. Н. Чекмана, разработанная им для реконструкции праславянской фонологии и применяемая в реферируемой работе; описаны принципы работы с материалом.

Отличительными чертами прабалтийского языка на уровне фонологии являются:

– переход кратких и.-е. гласных **o*, **a* > прабалт. **a* (лит. *avìs*, лтш. *avis*, лат. *ovis*, др.-греч. *ὄφις* ‘овца’ < и.-е. **h₂óuis*; лит. *ašìs*, лтш. *ass*, др.-прусс. *assis*, лат. *axis*, др.-греч. *ἄξων*, др.-инд. *ákṣah* ‘ось’ < и.-е. **h₂aks-i*);

– сохранение *m* перед зубными (лит. *šim̃tas*, лтш. *simts* ‘сто’, ср. лат. *centum* ‘то же’ < и.-е. **kmtóm*);

– исчезновение йота в положении после согласных перед гласными переднего ряда (лтш. *glāb* ‘спасаешь’ < **glābji*).

С праславянским языком прабалтийский объединяют следующие черты:

1) переход и.-е. нёбнопалатальных **k̑*, **g̑* в праслав. **s’*, **z’*, прабалт. **š*, **ž* (по другой точке зрения – **s’*, **z’*): др.-греч. *δέκατος*, праслав. **desęть*, лит. *dėšimt* ‘десять’ < и.-е. **dek̑m̑*;

2) совпадение, как и в некоторых других индоевропейских языках, придыхательных звонких и непридыхательных взрывных звонких согласных: прабалт. **dub-* < и.-е. **dubús* ‘глубокий’ / прабалт. **bra-* < и.-е. **bhréh_atēr* ‘брат’;

3) и.-е. **eu* > прабалт. **jau*, слав. **ju*: лтш. *ļaudis*, ст.-слав. *l’udъje* ‘люди’, прабалт. **ļiaudi-* < и.-е. **leudh-*;

4) и.-е. **R* > *iR* / *uR*, т. е. и.-е. сонанты **l̥*, **r̥*, **m̥*, **ŋ̥* представляют типичное двойное развитие в балтийском и славянском, например (*il* / *ul*): лит. *vilkas*, лтш. *vilks*, др.-прусс. *wilkis*, праслав. **vьlkъ* наряду с гот. *wulfs*,

др.-греч. *λύκος*, лат. *lupus*, др.-инд. *vṛkaha* ‘волк’ < и.-е. **uḷkʷos*; лит. *tulžis* (<**žultis*), лтш. *žults*, ст.-слав. *zľčь* ‘жёлчь’ < и.-е. **ǵh₁h₃-*;

5) формирование оппозиции по твёрдости-мягкости;

6) соответствия в акцентной парадигме (именной и глагольной); особенно значимыми считаются случаи, когда балтийский и славянский не просто совпадают, но отличаются от греческого и индийского.

На основании приведённых общих черт (а также сходства в морфологии, словообразовании, лексике и синтаксисе) обычно и постулируется существование балто-славянского языка. Однако важно не только «поверхностное» сходство, наблюдаемое в данном случае, но и «глубинное». В частности, ассимиляция индоевропейских палатальных и дальнейшее формирование оппозиции твёрдых и мягких согласных в балтийских и славянских языках сами по себе указывают лишь на то, что в этих группах примерно в одно и то же время происходили системные перестройки. Прежде чем делать выводы об общем этапе развития (равно как и о происхождении одной группы из другой), необходимо проследить *протекание* общих процессов: совпадают ли этапы, сходны ли результаты и т. п.

Глава 3. Проблемы реконструкции древнепрусского языка. Памятники древнепрусского языка рассматриваются с точки зрения возможности их использования при реконструкции прабалтийского языка. Главной проблемой здесь является ограниченность дошедших текстов и высокая вариативность в написании одних и тех же слов. Данная проблема была переформулирована следующим образом: вариативность и непоследовательность в написании – это результат некомпетентности переписчиков или указание на фонетические процессы в языке того времени?

Особенно интенсивной критика орфографии древнепрусских памятников стала в 70-е гг. XX в., когда У. Р. Шмольстиг заявил, что никакой правильный древнепрусский текст не может быть реконструирован из-за абсолютно плохой орфографии, когда различные

написания одного и того же слова не могут быть объяснены и когда даже последовательное написание ничего не значит, так как может быть неправильным⁷. В защиту прусской орфографии высказывался Дж. Левин, пришедший, в том числе, к следующему выводу: вариативность в написании окончаний может быть объяснена происходящими в языке изменениями⁸. Данный вывод, на наш взгляд, имеет особое значение.

Представляется важным и тот факт, что в XVI веке не только древнепрусская орфография отличалась вариативностью и непоследовательностью. Старобелорусская орфография XVI в. также неупорядочена, несмотря на длительную рукописную традицию и на то, что изданием книг занимались высокообразованные и талантливые люди. Последнее, по нашему мнению, говорит о том, что объяснять несовершенную орфографию отсутствием компетентности переписчиков, как это делается в отношении древнепрусских памятников, нельзя.

Несмотря на предшествующую традицию, в графике старопольских памятников рассматриваемого периода неупорядоченности и непоследовательности даже больше, чем в графике древнепрусских Катехизисов. Связано это, по-видимому, с тем, что к XVI в. изменилась фонологическая система польского языка, и старая орфография уже не могла оставаться удовлетворительной.

Орфография литовских памятников XVI в. также неупорядочена. Из-за многозначности и разнообразия вводимых авторами букв и отсутствия нормы не всегда легко разграничить, где мы имеем дело с несовершенством графики, а где с диалектными особенностями.

Обзор письменностей показал, что в XVI веке непоследовательная орфография была обычным явлением и не зависела от образованности авторов и наличия / отсутствия книжной традиции. Главной причиной этому были важные перестройки и изменения в системе языка и, соответственно, «отставание» орфографии (старопольские и

⁷ W. R. Schmalstieg. *An Old Prussian Grammar: The Phonology and Morphology of the Three Catechisms*. London, 1974.

⁸ J. F. Levin. *Toward a graphology of Old Prussian monuments: The Enchiridion* // *Baltistica*. 1976. Т. 12. Р. 9–24.

старобелорусские тексты); отсутствие нормы (литовские тексты); а также влияние неразработанных иноземных традиций (чешской и немецкой – на польскую; польской – на литовскую). Однако именно благодаря неупорядоченности орфографии мы можем судить о происходивших языковых изменениях: её развитие отражает и становление литературной нормы, и адаптацию графики, разработанной для предшествующего состояния языка, к состоянию новому.

С целью установления возможных причин неупорядоченности древнепрусской орфографии был предпринят анализ небольшого фрагмента текста (молитвы), дошедшего в трёх вариантах. Сопоставление трёх редакций молитвы позволило предположить для истории древнепрусского языка такие изменения, как $e > e > a$, $i > e$, $u > o$, a , т. е. переход «закрытый гласный» > «открытый гласный». Данный переход был выявлен, в частности, на основании таких примеров, как (I, II и III Катехизисы соответственно): *asse* – *æsse* – *essei* ‘(ты) есть’, *andangon* – *ændengon* – *endangon* ‘на небе’, *bha* – *bhæ* – *bhe* ‘но’; при этом имелось в виду, что подобные соответствия не могут быть вызваны лишь несовершенством орфографии, так как непоследовательная орфография исключает какую-либо систему, а наличие системы здесь очевидно.

Кроме того, оказалось возможным констатировать смешение основ существительных (*a*-основы, *e*-основы и *u*-основы), а также неразличение наклонений глаголов (повелительного, опатива, изъявительного наклонения), что указывает на морфологические перестройки в системе языка.

Предложенный взгляд на качество орфографии древнепрусских памятников представляется продуктивным, поскольку он делает возможным системную и динамическую реконструкцию древнепрусского языка со всеми протекавшими в нём процессами. Непоследовательная, на первый взгляд, древнепруская орфография может предоставлять информацию о протекавших в языке процессах и изменениях как на уровне фонологии, так и на уровне морфологии, и свидетельствовать о

важных перестройках в системе языка, а также указывать на наличие различных говоров и, косвенно, на отсутствие языковой нормы. Такой вывод позволяет непосредственно использовать данные древнепрусского материала при сопоставлении с восточнобалтийскими и славянскими языками, а также при реконструкции прабалтийского идиома.

Глава 4. Основные проблемы реконструкции фонологической системы прабалтийского языка. Глава посвящена проблемам реконструкции фонологического уровня прабалтийского языка. Система гласных дана для полноты описания и учитывает последние достижения в области реконструкции вокализма прабалтийского языка. Система консонантизма рассматривается, в соответствии с темой диссертации, более подробно. Представлена не только система согласных прабалтийского языка, но также изменения, которые произошли после его распада и нашли отражение в литовском, латышском и древнепрусском языках. Отмечены отличия развития прабалтийской фонологической системы от праславянской.

Одним из ключевых процессов, обусловивших формирование как прабалтийского, так и праславянского консонантизма, был переход индоевропейских нёбнопалатальных в сибиллянты.

Единого мнения, согласно которому судьба индоевропейских нёбнопалатальных в славянском и балтийском совпадала бы, в настоящее время нет, хотя и возможны такие комбинации мнений, при которых данное развитие выглядит идентичным. Если же придерживаться традиционных реконструкций (и.-е. $*k'$, $*g'$, $*gh$ > прабалт. $*š'$, $*ž'$, праслав. $*s'$, $*z'$), то судьба индоевропейских палатальных в рассматриваемых языках свидетельствует скорее о независимом их развитии.

В главе рассматриваются две основные гипотезы относительно развития в прабалтийском индоевропейских $*k'$, $*g'$: в шипящие $*š'$, $*ž'$ и в мягкие свистящие $*s'$, $*z'$. Предпочтение отдаётся первой, традиционной, точке зрения, но также предлагается иная версия: о переходе и.-е. $*k'$, $*g'$ в

прабалтийские палатальные *ś, *ž. При такой реконструкции можно говорить о тесной связи ассимиляции индоевропейских нёбнопалатальных и йотации прабалтийских *t, *d.

Важным для праславянского и прабалтийского языков является переход и.-е. *s > балт. *š, слав. x после i, u, r, k (так называемое правило *ruki*).

В балтийском в действительности представлен двойной рефлекс, причём имеются две основные точки зрения на этот счёт. С. Каралюнас предполагает *сохранение* *s и – ограниченно – переход сохранившегося *s в *š⁹, в то время как Я. Отрембский говорит об исходном *изменении* *s в *š с последующим возвращением к первоначальному состоянию¹⁰. При этом Я. Отрембский предполагает и для славянского промежуточную стадию *š. Такая стадия допускается А. М. Селищевым, А. Мейе и другими, однако отвергается А. Е. Супруном, С. Б. Бернштейном.

В праславянском языке рассматриваемый переход был более активен и последователен, нежели в прабалтийском. Имея в виду ареальную интерпретацию данного явления¹¹, следует, по-видимому, принять позицию С. Б. Бернштейна, в соответствии с которой указанный процесс шёл со стороны праславянского языка, а в прабалтийском происходил менее активно и с разными результатами в разных говорах. Такая позиция скорее опровергает теорию балто-славянского единства.

Состав древнепрусских согласных зависит, в первую очередь, от ответа на вопрос: была ли в древнепрусском языке палатализация согласных.

По мнению У. Р. Шмольстига, согласные в древнепрусском языке, как и в литовском, существовали в простом и палатализованном вариантах, за исключением j и, возможно, š и ž¹². О возможности палатализации

⁹ С. Каралюнас. К вопросу об и.-е. *s после i, u в литовском языке // Baltistica. 1966. Т. 1. С. 3–126.

¹⁰ Я. Отрембский. Славяно-балтийское языковое единство // ВЯ. 1954. № 5. С. 27–42.

¹¹ Chr. S. Stang. Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo-Bergen-Tromsø, 1966. P. 98

¹² W. R. Schmalstieg. An Old Prussian Grammar: The Phonology and Morphology of the Three Catechisms. London, 1974.

согласных говорит в осторожной форме и Я. Эндзелин¹³. Мягкие согласные отмечает В. Мажюлис¹⁴. С другой стороны, Хр. С. Станг считает, что судить о наличии в древнепрусском языке палатализации невозможно из-за «плохой» орфографии¹⁵. Отмечая характерные черты фонетики древнепрусского языка, ничего не говорят о палатализации К. Буга, Й. Кабялка, А. Брейдак.

Предположение о наличии в древнепрусском палатализованных согласных представляется нам логичным по следующей причине. Ничто не указывает на существование в древнепрусском серии палатальных согласных. В. Н. Чекман показал, что в славянских языках имеются либо палатализованные согласные, либо палатальные¹⁶; это правило, по-видимому, может быть применимо и к балтийским языкам, по крайней мере, оно действует для литовского и латгальского (нет ряда палатальных, но есть палатализованные) и латышского (есть ряд палатальных, но нет палатализованных). Можно, таким образом, сделать заключение о том, что поскольку в древнепрусском нет ряда палатальных, в нём могли быть палатализованные. Имея в виду этот дополнительный аргумент, мы склонны присоединиться к мнению У. Р. Шмольстига.

Судьба и.-е **k*, **g* имеет, по нашему мнению, непосредственное отношение к процессам палатализации и йотации, поэтому в главе даны не только системы литовского, латышского и (в реконструкции) древнепрусского языков, но также изменения согласных перед йотом и гласными переднего ряда. Изменения согласных иллюстрируются примерами, в том числе из славянского. Сделаны следующие выводы об особенностях формирования латышской, литовской и древнепрусской консонантных систем.

А) Эволюция латышской системы согласных от эпохи прабалтийского к современному состоянию была обусловлена развитием

¹³ J. Endzelīns. Darbu izlase IV (2). Rīga: Zinātne, 1982. Lpp. 26.

¹⁴ V. Mažiulis. Prūsų kalbos istorinė gramatika. Vilnius, 2004. P. 20-21.

¹⁵ Chr. S. Stang. Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo-Bergen-Tromsø, 1966. P. 103.

¹⁶ В. Н. Чекман. Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Типология и реконструкция. Минск: Наука и техника, 1979. 216 с.

палатального ряда, включившего, помимо йота, палатальные *k, ġ, l, ŋ, r*. Развитие данного ряда было вызвано воздействием йота и гласных переднего ряда на предшествующий согласный. Можно предположить, что, как и в праславянском¹⁷, в пралатышском йотация согласных сопровождалась изменением слогораздела: если до йотации слогораздел проходил между предыдущим согласным и йотом, то непосредственно перед началом йотации предыдущий согласный и йот стали входить в один и тот же слог.

Б) В литовском языке система консонантизма развивалась иначе, чем в латышском. Одни и те же процессы привели в первом случае к образованию оппозиции палатализованный / непалатализованный согласный, а во втором – к расширению уже существовавшего палатального ряда.

В) В древнепрусском сочетания согласных с йотом дали, по-видимому, соответствующие палатализованные (кроме **sj > š*). Других значительных перестроек в системе древнепрусского по сравнению с прабалтийским состоянием нет, за исключением такого же, как в латышском, перехода прабалтийских **š* и **ž* в *s* и *z*.

Глава 5. Реконструкция фонетических изменений. В главе представлены процессы фонетических изменений от праиндоевропейского к прабалтийскому и от прабалтийского к современности. Таким образом делается попытка представить систему прабалтийского консонантизма в динамике. Отдельно рассматриваются процессы йотации и палатализации в сопоставлении со славянским материалом. Описывается явление смещения задненёбных и зубных в балтийских и славянских языках, а также другие фонетические явления и процессы.

Неполная сатемизация. Относящиеся к группе *satəm* прабалтийский и праславянский языки отличает неполная сатемизация. Согласно традиционному мнению, процесс перехода

¹⁷ С. Б. Бернштейн. Сравнительная грамматика славянских языков. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та: Наука, 2005. С. 166.

индоевропейских нёбнопалатальных **k'*, **g'* в сибиланты начинался в иранском ареале, распространяясь на балтийский и славянский постепенно. Существует, однако, мнение, что группа языков *satəm* занимала не периферийное, а центральное положение в индоевропейском ареале¹⁸.

С. Б. Бернштейн вслед за Я. Сафаревичем предполагает, что **k'*, **g'* в индоевропейском языке могли быть не самостоятельными фонемами, а позиционными вариантами задненёбных **k*, **g*: перед гласными заднего ряда употреблялись задненёбные, а перед гласными переднего ряда – средненёбные, причём позже варианты со средненёбным в языках *satəm* были обобщены. При такой трактовке исключения и дублиеты объясняются тем обстоятельством, что никакие морфологические обобщения не проводятся последовательно. Таким образом, все обнаруживаемые случаи оказываются результатом внутреннего развития праславянского языка. То же, по мнению С. Б. Бернштейна, относится и к балтийским языкам¹⁹.

Имеются также попытки отказаться от теории *centum* / *satəm* и объяснять соответствующие явления как обычные фонетические процессы²⁰. Однако наиболее продуктивным представляется подход, рассматривающий данное явление с точки зрения внутреннего развития славянских и балтийских языков.

Йотация в балтийском и славянском. В отличие от четвёртой главы, где были рассмотрены основные рефлексy йотации согласных в литовском, латышском и древнепрусском, в пятой главе явление йотации рассматривается как фонетический процесс, имеющий место в различных языках.

Поскольку аналогичные процессы происходили и в славянских языках, закономерен вопрос о связи балтийской и славянской йотаций. Согласно гипотезе Е. Куриловича, существовала балто-славянская

¹⁸ О. Н. Трубачёв. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистическое исследование. – Изд. 2-е, доп. М.: Наука, 2002. С. 81.

¹⁹ С. Б. Бернштейн. Сравнительная грамматика славянских языков. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та: Наука, 2005. С. 152–154.

²⁰ В. Георгиев. Балто-славянский и тохарский языки // ВЯ. 1958. № 6. С. 3–20.

тембровая корреляция по твёрдости-мягкости²¹. В. Н. Чекман²² тщательно разбирает явление йотации с типологической точки зрения и опровергает гипотезу Е. Куриловича. Показав, что йотация согласных в балтийских языках происходила в разных условиях и в разное время, В. Н. Чекман заключает: йотация представляет собой совокупность параллельных преобразований в балтийских и славянских языках; эта общая тенденция либо была унаследована из более древней эпохи, либо развилась вследствие принадлежности к одному географическому ареалу.

Против вывода В. Н. Чекмана о невозможности сравнения результатов палатации в балтийских и славянских языках в генетическом плане возражает А. Брейдак, считая возможным трактовать палатацию как своеобразный вид регрессивной ассимиляции²³. Примечательно, что, по С. Б. Бернштейну²⁴, суть йотации в праславянском состояла во взаимной ассимиляции: йот ассимилировал предшествующий согласный, а затем сам был ассимилирован предшествующим мягким согласным. Однако даже при сходной трактовке явления йотации (в рамках ассимиляции) очевидны различия между балтийским и славянским (в первом случае ассимиляция регрессивная, во втором – взаимная). Поэтому вывод В. Н. Чекмана о несравнимости балтийской и славянской йотаций кажется нам убедительным.

Кроме того, В. Н. Чекман показал, что йотация согласных не приводит к появлению палатализованных согласных при отсутствии таковых в других позициях. Исходя из этого положения, а также на основании данных по истории отдельных языков представляется возможным сделать следующие заключения о протекании процесса йотации в балтийских языках.

²¹ Е. Курилович. О балто-славянском языковом единстве // Вопросы славянского языкознания. Вып. 3. М., 1963. С. 15–41.

²² В. Н. Чекман. О йотации в праславянском и балтийских языках // *Baltistica*. 1975. Т. 9 (1). С. 63–76.

²³ А. Breidaks. *Darbu izlase*. 1. daļa, Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 2006. Lpp. 391–392.

²⁴ С. Б. Бернштейн. Сравнительная грамматика славянских языков. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та: Наука, 2005. С. 167–168.

А) Поскольку в литовском языке только прабалтийские $*t_j$, $*d_j$ развились в аффрикаты, а остальные сочетания согласных с йотом – в соответствующие палатализованные, можно заключить, что во время йотации $*t$, $*d$ палатализованных $*t'$, $*d'$ ещё не существовало. Согласно традиционной точке зрения²⁵, в прабалтийском могли быть палатализованные $*k'$, $*g'$, однако палатализации как таковой не было, поскольку корреляция по твёрдости-мягкости возникает лишь в том случае, если она охватывает, по крайней мере, два локальных ряда. Так как уже в прабалтийском были палатализованные $*k'$, $*g'$, йотация $*k$, $*g$ в литовском закономерно дала палатализованные k' , g' ²⁶. До начала йотации $*s$, $*z$ должны были, соответственно, возникнуть палатализованные $*s'$, $*z'$, то есть ко времени этой йотации в литовском уже существовала корреляция палатализации (так как появился второй локальный ряд, охваченный ею).

Согласно З. Зинкявичюсу²⁷, на месте прабалт. $*t_j$, $*d_j$ в литовском первоначально появились палатализованные $*t'$, $*d'$, со временем превратившиеся в аффрикаты $č$, $dž$ (диал. c , dz), т. е.: $*t_j$, $*d_j > t'$, $d' > t^s$, d^s (диал. t^s , d^s) $> tš=č$, $dž$ (диал. c , dz). По мнению З. Зинкявичюса, написание названий Жемайтии и Аукштайтии без аффрикат в ранних источниках (*Жемойть*, *Samaythen*, *Auxtote*, *Austeyten* и др.) указывает, что в XIII в. (возможно, и в XIV в.) на месте современных $č$, $dž$ всё ещё произносилось $*t_j$, $*d_j$ либо $*t'$, $*d'$. Мнение З. Зинкявичюса не кажется нам убедительным: во-первых, неясны причины предполагаемого перехода палатализованных в аффрикаты; во-вторых, орфография ранних источников едва ли является убедительным доказательством отсутствия аффрикат (например, в ранних польских текстах аффрикаты обозначались не всегда, хотя точно известно, что они были²⁸), тем более что в

²⁵ Z. Zinkevičius. Lietuvių kalbos istorija. I. Lietuvių kalbos kilmė. Vilnius, Mokslas, 1984.

В. В. Борисенко. К вопросу о палатализации в балтийских языках // Вести Московского университета. Серия 10. Филология. 1972. № 4. С. 50–58.

²⁶ То же относится и к древнепрусскому.

²⁷ З. П. Зинкявичюс. К истории палатализации согласных в балтийских языках // Известия АН ЛатвССР. 1973. № 4. С. 93–97.

²⁸ Z. Klemensiewicz. Historia języka polskiego. Warszawa, 2002.

современных названиях Аукштайтии и Жемайтии (*Aukštaitija, Žemaitija*) аффрикат нет.

Б) Довольно необычно (с учётом последнего положения В. Н. Чекмана) выглядит ситуация в древнепрусском языке, так как она указывает на позднее появление палатализованного *s'*: после появления палатализованных губных (при том, что губные обычно подвергаются йотации позднее всех остальных согласных), если только йотация губных не началась настолько позже йотации **s*, что за период времени между этими йотациями не появились и палатализованный **s'*, и палатализованные губные. С другой стороны, можно предложить следующее объяснение особой йотации др.-прус. **s*: первоначальным результатом йотации **s* мог быть не *š*, а палатализованный *s'*, который затем преобразовался в *š*, поскольку возникла необходимость отличать такой *s'* от *s'* из прабалт. **š*.

В) В латышском языке, по-видимому, действовала также вторичная йотация:

– в формах род. п. ед. ч. существительных *īo*-основы; позднее по аналогии с данной формой выравнилась и вся парадигма мн. ч.: **lākīa* > **lāca* (первичная йотация) > **lācīa* > *lāča* (вторичная йотация) от *lācis* ‘медведь’.

– в формах 1 л. ед. ч. прош. вр. (в латгальском): **braukīu* > **braucu* (первичная йотация, закрепившаяся в литературном латышском) > **braucīu* > *brauču* (вторичная йотация, закрепившаяся в латгальском) от *braukt* ‘ехать’.

В литературном латышском языке вторичная йотация в указанной позиции возникла, вероятно, по аналогии с формами на губные (ср. *gulbis* ‘лебедь’ > (род. п., ед. ч.) *gulbja*: йот из таких форм был обобщён и вторично присоединился к формам на не-губные), а в латгальском, видимо, самостоятельно (хотя аналогическое влияние не исключено).

Наиболее важными заключениями подраздела, посвящённого йотации, являются следующие:

– балтийская и славянская йотации представляют собой не связанные в генетическом плане явления;

– поскольку даже внутри балтийских языков йотация происходила по-разному, следует предположить, что данный процесс имел место уже после распада прабалтийского языка.

Палатализация в балтийском и славянском. Наличие палатализации в славянском и балтийском само по себе ничего не говорит о генетических связях славянской и балтийской палатализаций, так как палатализация в типологическом плане является обычным фонетическим изменением, не требующем особой ситуации²⁹. Для сравнения данного фонетического изменения в указанных языках был предложен «метод ограничений»: палатализация согласных рассматривалась с точки зрения затрагиваемых ею контекстов. При этом учитывались как контексты, способствующие процессу, так и контексты, его запрещающие (контексты-ограничители) либо вызывающие определённые отклонения от основного правила (контексты-модификаторы). Все они, по нашему мнению, играют важную роль при реконструкции систем и протекающих в них изменений, особенно в тех случаях, когда в распоряжении имеются лишь обломки системы. Никакие контексты не возникают случайно, поэтому если палатализация не происходит либо приводит к нестандартным результатам, это может и не быть объяснимо с точки зрения настоящего, но тогда причина отклонения должна быть объяснена с точки зрения прошлого. Анализ контекстов, в которых процесс не происходит либо видоизменяется, необходим при сравнительно-сопоставительном анализе внешне сходных процессов в разных языках, так как сходные условия создают видимость тождественности развития там, где его в действительности нет. Ограничители и модификаторы позволяют более

²⁹ В. Н. Чекман. Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Типология и реконструкция. Минск: Наука и техника, 1979. 216 с.

наглядно представить сходства и различия, поскольку любые отклонения от правил обычно более индивидуальны, чем сами правила.

В результате анализа мы пришли к выводу о том, что балтийскую (латышскую) палатализацию удобнее представлять в виде *уровней*. Исходное правило нарушается в результате различных преобразований и под влиянием аналогии, затем процесс палатализации приостанавливается, вновь возобновляется и развивается далее. Примечательно, что именно второй уровень стал основным для литературного латышского языка. Третий уровень, в свою очередь, является развитием второго, но в исходе имеем, по-видимому, уровень первый. Модель скачкообразная: от первого уровня ко второму, затем от первого через второй к третьему.

Уровни латышской палатализации

Уровень	Рефлексы <i>k, g</i>
первый	<i>ḳ, ģ</i>
второй (основной)	<i>c, dz</i>
третий	<i>č, dž</i>

В славянских языках палатализация развивается более плавно, сложнее обнаружить исключения. Славянскую палатализацию удобнее представлять в виде *этапов*³⁰. Славянская палатализация не приостанавливает своего воздействия, как в латышском, но модифицирует свои результаты (отсюда, в частности, отличное поведение согласных перед бывшими дифтонгами): в случае балтийской палатализации монофтонгизация создает контекст-ограничитель (палатализация не происходит), а в случае славянской палатализации – контекст-модификатор (палатализация происходит с нестандартными результатами).

³⁰ Здесь второй этап не обязательно следует непосредственно за первым: допускается возможность наложения этапов друг на друга.

Этапы славянской палатализации

Этап	Общее правило	Модификации / ограничители
первый (I-II палатализации)	<i>k, g, x</i> перед <i>e, i, ě, ь</i> переходят в <i>č', ž', š'</i>	<i>k, g</i> перед <i>ě</i> из <i>oi, ai</i> переходят в <i>c, dz/z</i> ; <i>x</i> перед <i>ě</i> из <i>oi, ai</i> переходит в <i>s</i> (за искл. пол., чеш., словацк.)
второй (III палатализация)	<i>k, g</i> после <i>i, ь, ě</i> переходят в <i>c, dz/z</i>	правило действовало непоследовательно

Итак, даже поверхностный анализ ограничителей и модификаторов показывает, насколько различны процессы славянской и балтийской палатализаций.

Смещение *k, g / t, d* в балтийских и славянских языках. Как показало исследование, смещение *t // k, d // g* в балтийских языках было одним из наиболее древних процессов в истории прабалтийского консонантизма и примечательно тем, что, во-первых, его следы обнаруживаются в латышских и литовских говорах до сих пор, во-вторых, тем, что проявления его одинаковы в литовском, латышском и древнепрусском (в этом отношении данное явление является уникальным), наконец, это смещение, по-видимому, оказало немаловажное влияние на развитие прабалтийского консонантизма. Что касается аналогичного смещения в праславянском, то оно могло проникнуть в праславянский из прабалтийского либо явиться следствием общей балто-славянской тенденции, которая могла возникнуть и до отделения праславянского и прабалтийского языков из праиндоевропейского.

Другие процессы. Среди других процессов и явлений, обусловивших становление и развитие балтийского консонантизма, важны следующие: сохранение vs. утрата конечных согласных, сохранение vs.

изменение тавтосиллабических носовых, ассимиляция, выпадение согласных в начале и середине слова, диссимиляция, метатеза, протеза, эпентеза, геминация, чередование звонких и глухих согласных в корне и в суффиксах, – это процессы, затронувшие систему консонантизма как в эпоху прабалтийского языка, так и в более позднее время. В главе показано, что развитие балтийского консонантизма было обусловлено и тенденциями, идущими с праиндоевропейской эпохи, и внутренними процессами. Многие из указанных фонетических изменений имеют параллели в славянских языках, но это были скорее независимые процессы, имевшие разные причины.

Таким образом, в главе даны не только процессы, непосредственно обусловившие становление и развитие прабалтийского консонантизма, но и более поздние процессы, позволяющие установить связь между прабалтийским состоянием и современными балтийскими языками; многообразие фонетических изменений, протекавших в балтийских языках после распада прабалтийского языка, может затруднять реконструкцию прабалтийских форм, поэтому учёт всех изменений, независимо от их времени и происхождения, особенно важен как при реконструкции прабалтийского состояния, так и при установлении этимологии отдельных слов.

Основной вывод главы таков: многие изменения, которым подверглась система прабалтийского консонантизма, формально сходны с процессами, происходившими в системе праславянского консонантизма, для которого также были характерны неполная сатемизация, йотация, палатализация и другие процессы. Однако анализ этих явлений указывает на глубокие различия в ходе и структуре данных процессов. Наличие формальных сходств не может, таким образом, свидетельствовать об общем источнике возникновения процессов и не может являться ни аргументом в пользу существования балто-славянской общности, ни аргументом в пользу произведения славянского из балтийского. Напротив, разность протекания всех этих процессов скорее говорит о

самостоятельном развитии не только систем консонантизма, но и самих балтийских и славянских языков и диалектов.

Заключение. В заключении подводятся общие итоги работы. На защиту выносятся следующие положения.

1. Становление и развитие балтийского консонантизма обусловили такие процессы, как ассимиляция индоевропейских нёбнопалатальных, смешение задненёбных и зубных, йотация и палатализация согласных.

2. Так называемое правило *ruki* в славянском и балтийском действовало с разной степенью интенсивности и привело к несравнимым результатам.

3. В древнепрусском языке могла существовать корреляция по твёрдости-мягкости.

4. Славянская и балтийская палатализации, несмотря на внешнее сходство, существенно различаются по своей структуре.

5. Многие фонетические процессы, затронувшие консонантные системы балтийского и славянского, являются самостоятельной реализацией общих тенденций – либо унаследованных из праиндоевропейской эпохи, либо развившихся вследствие принадлежности к одному географическому ареалу.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Дубасова, А. К вопросу о становлении балтийского консонантизма [Текст] / А. Дубасова. // Материалы XXXIII международной филологической конференции. Вып. 1. Секция балтистики. Балтийские языки: историческая грамматика, история литературного языка. Тезисы докладов. / Отв. редактор А. В. Андронов. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. — С. 11–13.

Dubasava, A. Dėl *k, g / t, d* santykių baltų ir slavų kalbose [К вопросу об отношениях *k, g / t, d* в балтийских и славянских языках] [Текст] / A. Dubasava. // Baltų ir kitų kalbų fonetikos ir akcentologijos problemos. — Vilnius, 2004. — P. 86–90.

Дубасова, А. Орфография литовских памятников XVI века в контексте орфографических опытов соседей [Текст] / А. Дубасова. // Исторический путь литовской письменности. — Вильнюс, 2005. — С. 24–31.

Дубасова, А. О палатализации и йотации *k, g* в латышском литературном языке и в диалектах: условия и ограничения [Текст] / А. Дубасова. // Материалы XXXV международной филологической конференции. Вып. 1. Секция баллистики. Балтийская диалектология. Тезисы докладов. / Отв. редактор А. В. Андронов. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. — С. 15–17.

Дубасова, А. В. Реконструкция балтийской и славянской палатализаций: ограничители и модификаторы [Текст] / А. В. Дубасова. // Вестник СПбГУ. Серия 9. — 2008. — Вып. 1. Ч. 2. — С. 112–118.

Дубасова, А. В. О смещении нёбнопалатальных и дентальных в балтийских и славянских языках [Текст] / А. В. Дубасова. // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Аспирантские тетради. — 2008. — 30(67). — С. 90–94.

Дубасова, А. В. Особенности формирования консонантной системы древнепрусского языка [Текст] / А. В. Дубасова. // Международная научная конференция «Дни балтов и белые ночи». Круглый стол «Балтийская филология»: десять лет спустя. 19–21 июня 2008 г. Тезисы докладов. / Отв. редактор А. В. Андронов. — СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. — С. 22–23.

Дубасова, А. В. От праиндоевропейского к праславянскому и прабалтийскому: общее и различное (фонологии) [Текст] / А. В. Дубасова. // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XII (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы международной конференции, проходившей 23–25 июня 2008 г. / Отв. редактор Н. Н. Казанский. — СПб.: Нестор-История. — 2008. — С. 152–157.

Дубасова, А. В. «Плохая» орфография и реконструкция (на примере славянских и балтийских памятников XVI в.) [Текст] / А. В. Дубасова. // Вестник СПбГУ. Серия 9. — 2008. — Вып. 2. Ч. 2. — С. 134–138.